

Игорь Атаманенко

ЖЕНЩИНЫ В ШПИОНСКИХ ВОЙНАХ

От Александра I до наших дней

Анатомия спецслужб

Игорь Атаманенко

**Женщины в шпионских войнах.
От Александра I до наших дней**

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(100-87)
ББК 67.401.212

Атаманенко И. Г.

Женщины в шпионских войнах. От Александра I до наших дней /
И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ», 2023 — (Анатомия спецслужб)

ISBN 978-5-4484-8927-3

Традиционно считается, что у войны не женское лицо. Но это утверждение не относится к войне разведок. Напротив, на протяжении веков женщины-разведчицы зачастую умудрялись добывать то, что было не под силу их коллегам-мужчинам. Имена Маты Хари, Коко Шанель, Чичолины не только навечно вписаны в историю разведки, но и широко известны во всём мире. Но вот какими способами разведчицы получали необходимую им информацию, известно значительно меньше. Об этих секретах и рассказывается в книге историка разведки И.Г. Атаманенко. Книга издаётся в авторской редакции.

УДК 94(100-87)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-4484-8927-3

© Атаманенко И. Г., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Часть I	7
Глава первая	7
Глава вторая	16
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Игорь Григорьевич Атаманенко
Женщины в шпионских войнах.
От Александра I до наших дней

© Атаманенко И.Г., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Предисловие

В декабре 1991 года Ее Величество Королева Великобритании Елизавета II назначила шефом МИ-5 (контрразведка) писательницу, мать двух малолетних детей, чем сразила всех мужчин страны. А новоиспеченная начальница Стелла Римингтон окончательно добила их, выступив с речью в парламенте:

«Тайная шпионская война, которая ведется более 3 тысяч лет, никогда не прекращалась. Особую роль в ее акциях играем мы, женщины-руководители, и наши секретные помощницы – агентессы-обольстительницы.

Наши штатные психологи пришли к заключению, что “спецслужбисты в юбках”, исполняя миссию сестер милосердия, работают эффективнее, чем их коллеги-мужчины. К тому же женщины при выполнении заданий, в сравнении с мужчинами, ведут себя жестче и в меньшей мере подвержены угрызениям совести за содеянное...

Лично я не сомневаюсь, что в XXI веке в наших спецслужбах наступит триумф гендерного равноправия: женщины будут обладать теми же шансами на продвижение по служебной лестнице, что и мужчины. Ведь уже сегодня в моей МИ-5 более 40 % сотрудников – представители так называемого “элегантного контингента”. А во главе четырех из двенадцати отделов британской разведки опять же стоят женщины...»

...Эксперты Лубянки на этот счет имеют иное мнение. Признавая заслуги представительниц «элегантного контингента», они (эксперты) считают, что особую роль в акциях отечественной внешней разведки играют супружеские пары, коих от обычных брачных союзов отличают абсолютная психологическая совместимость мужа и жены, их идейная твердость и нерушимая вера в победу коммунизма.

Анализ работы супружеских пар – Геворка и Гоар Варганян, Шамиля Хамзина и Ирины Алимовой, Василия и Елизаветы Зарубиных, Бориса Рыбкина и Зои Воскресенской, как и многих других, ныне безымянных разведтанделов, – подтвердил правомерность такого мнения.

Однако одних разведывательных танделов, как бы эффективно они ни работали, недостаточно для достижения стоящих перед внешней разведкой целей. Ведь в целом она – крепкий кулак, который наносит удар в наиболее уязвимые места тела противника, в то время как тандем – лишь два пальца. Поэтому создавали их исключительно поштучно и по мере надобности.

...Право решать, кто из героев книги – добрая фея разведки, а кто – злая колдунья шпионажа, принадлежит, разумеется, Вам, уважаемый читатель. Автор гарантирует лишь одно: познания о роли женщин в шпионских войнах Вы расширите многократно, осилив 30 глав этой книги.

Часть I

Супружеские разведывательные пары

Глава первая

Жена фаворита и узника Лубянки

«А ОН МЯТЕЖНЫЙ ИЩЕТ БУРИ...»

20 декабря 1891 года в Минске в семье подмастерья часовщика Исаака Серебрянского родился сын, которого нарекли Яковом.

Семья жила впроголодь – впервые мальчик поел досыта в 6 лет, когда отец получил место приказчика на сахарном заводе. Денег в семье прибавилось, и Яша, окончив Талмуд-тору – бесплатную начальную школу для детей бедных еврейских семей, смог продолжить учебу в Минском городском училище.

В 1907-м мятежный норв толкнул 16-летнего подростка в кружок эсеров-максималистов, которые устраивали покушения на министров, губернаторов и генералов полиции.

Последствия не заставили себя ждать: первый тюремный срок Яков огреб в 17 лет за «хранение писем крамольного содержания и по подозрению соучастия в убийстве начальника Минской тюрьмы». За решеткой провел год, затем был выслан под административный надзор в Витебск, где работал электромонтером.

В августе 1912 года Якова призвали в армию. С началом Первой мировой войны он, рядовой 105-го Оренбургского полка, воевал на Западном фронте. В ходе Самсоновского прорыва в Восточной Пруссии получил тяжелое ранение и был демобилизован. С 1915 года работал электромонтером на газовом заводе в Баку.

После Февральской революции 1917-го Яков, представитель партии эсеров в Бакинской коммуне, участвует в работе Первого съезда Советов трудящихся Северного Кавказа, затем командует отрядом красноармейцев, несущим охрану продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге.

ВЧК: ПРЕРВАНЫЙ ДЕБЮТ

В сентябре 1918 года, когда английские войска оккупировали Баку, Яков скрылся в иранском городе Решт, где страдал от безделья и отсутствия друзей-эсеров. Как вдруг в мае 1920-го, преследуя англичан и белогвардейцев, в город ворвался отряд Красной армии.

Комиссар отряда Яков Блюмкин, сотрудник центрального аппарата Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), провозгласил Решт столицей Гилянской Республики, а отряд – Персидской Красной армией.

Встретив Серебрянского, с которым был знаком по работе в партии эсеров, Блюмкин заявил:

– Я прибыл, чтобы Персию сделать советской. Действую я по указанию председателя Реввоенсовета наркома Троцкого и согласно моему партийному долгу, ведь я – второй человек по значимости в ЦК компартии Ирана!

При этом Блюмкин небрежно помахал партбилетом Иранской компартии на свое имя. А чтобы окончательно убедить Серебрянского в своем всемогуществе, назначил его главой контрразведки Персидской Красной армии.

...Когда Гилянская Республика пала, Яков по ходатайству Блюмкина был принят в центральный аппарат ВЧК рядовым оперативным сотрудником. Руководство Лубянки в лице Менжинского и Артузова оценило его таланты организатора, и в сентябре 1920 года Серебрянского назначили секретарем ведущего подразделения ВЧК – Административно-организационного отдела.

Однако кабинетная рутина не по душе непоседе Якову – в августе 1921-го он демобилизовался и приступил к учебе в Электротехническом институте.

КУДА НИ КИНЬ – ВЕЗДЕ КЛИН...

Работая в ВЧК, затем учась в институте, Яков не прерывал связи с эсерами, что вышло ему боком. 2 декабря 1921 года его арестовали бывшие коллеги-чекисты, когда он заглянул в дом друга, правого эсера Давида Абезгауза.

В течение четырех месяцев следователи пытались найти следы предполагаемого участия заключенного в Лубянскую тюрьму Серебрянского в акциях правых эсеров, которые были объявлены вне закона.

В итоге 29 марта 1922 года Президиум ГПУ, рассмотрев материалы дела Серебрянского Я.И., вынес постановление:

«Из-под стражи освободить, поставить на учет, лишив права служить в судебных, розыскных и политических органах, и в Наркомате иностранных дел Республики».

...Учебу в институте Яков совмещал с работой заведующим канцелярией нефтетранспортного отдела треста «Москвотоп», куда его устроил эсер Борис Якубовский.

В январе 1923-го Серебрянского арестовали по обвинению в получении взятки. Опять Лубянская тюрьма. Опять обвинение снято, и опять он на свободе – надолго ли?!

В надежде обрести спокойную жизнь Серебрянский порвал с эсерами, устроился редактором в «Известия» и подал заявление о вступлении в ряды ВКП(б).

ПО ЗАКОНУ «ПАРНОСТИ СЛУЧАЕВ»

И вновь, как черт из табакерки, на пути Якова возник Блюмкин.

Лелея мечту прославиться как писатель, он подрядился создать книгу о Дзержинском, поэтому часто бывал в столичных издательствах, а уж в «Известия» заходил, как к себе домой. Притом что в мае 1923-го Иностраный отдел планировал направить его в Палестину резидентом нелегальной разведки, и он безуспешно искал кандидата на должность своего заместителя.

Все сроки истекли, Лубянка грозила отвести Блюмкина от поездки, и вдруг у входа в «Известия» он встретил Серебрянского.

– Ну, вот он – закон «парности случаев», – воскликнул Блюмкин, обнимая Якова. – Пришел твой черед выручать меня!

...Серебрянский стал было рассказывать о своих передрыгах, но Блюмкин, уверенный, что его собственное бытие достойно пера Шекспира, прервал его:

– Стоп, Яша! Не время исполнять плач Ярославны. Хоть и праздновать тебе сегодня нечего, но и хоронить себя рано. А чтобы ты вновь почувствовал себя на коне, предлагаю отправиться со мной в командировку в Палестину!

Яков согласился, и Блюмкин взялся отменить постановление Президиума ГПУ о лишении Серебрянского права работать в госучреждениях. К решению проблемы он подключил

начальника ИНО Трилиссера, благоволившего к Якову в бытность его секретарем орготдела ВЧК.

МЕМОРАНДУМ КАК БЛАГОСЛОВЕНИЕ

На стол первого заместителя председателя ГПУ В.Р. Менжинского лег меморандум, в котором шеф внешней разведки доказывал целесообразность направления в Палестину разведывательного «тандема из двух Яковов».

«...Во-первых, – утверждал Трилиссер, – в Палестине Блюмкин и Серебрянский окажутся в родственной национальной и духовной среде, чьи традиции, обычаи и нравы известны им досконально.

Во-вторых, для них не существует языкового барьера – в Талмуд-торе оба учили идиш и иврит, а Серебрянский, ко всему, владеет английским, немецким и французским языками.

Наконец, их въезд в Палестину, в подмандатную Великобритании страну, не вызовет подозрений у британской контрразведки, так как сегодня миграция в Землю обетованную – самая популярная идея среди евреев всего мира.

Все перечисленные обстоятельства, – отметил Трилиссер в резолютивной части документа, – упростят легализацию разведчиков в Палестине и будут способствовать успешной реализации их миссии в целом...»

Менжинский ознакомил с меморандумом Артузова. Оба признали доводы Трилиссера неоспоримыми. Постановление Президиума ГПУ отменили. Якова зачислили особоуполномоченным закордонной части ИНО с выездом в служебную командировку в Палестину.

«КРЫША» БЕЗ «ПРОТЕЧКИ»

В декабре 1923 года, перед отъездом в Яффу (ныне Тель-Авив), резидента «Джека» и его заместителя «Макса» (псевдонимы Блюмкина и Серебрянского) принял Менжинский, чтобы обозначить основные цели командировки:

- добывать информацию о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке;
- привлечь к сотрудничеству эмигрантов из числа поселенцев-сионистов, а также бывших белогвардейских офицеров, осевших в Палестине;
- создать глубоко законспирированную агентурную сеть в регионе и в первую очередь в боевом сионистском движении;
- для поддержки национально-освободительного движения Палестины осуществить агентурное проникновение в организации аборигенов, борющихся против английской экспансии.

Последнее слово в подготовке «Джека» и «Макса» сказали «сапожники» – лубянские мастера фиктивных документов. И в канун Нового года в Яффе появились дельцы средней руки Моня Гурфинкель и Сеня Гендлер.

Они долго решали, в какой сфере открыть свое дело, что могло бы служить прикрытием. Вспомнив наставление Артузова: «...и не важно, что будет вашей “крышей”, главное, – чтобы она не “протекала”!» – открыли банно-прачечный комбинат.

Попали в «яблочко» – для явок с агентурой и со связниками лучшего места не найти, ибо ежедневно комбинат посещали сотни клиентов, и со стороны определить, кто среди них есть кто, невозможно. Так что, господа британские контрразведчики, отдыхайте!

НЕ ПЕРЕУСЕРДСТВУЙ!

Шпионосессия резидента Блюмкина в Палестине была краткой, а история, из-за которой она прервалась, – почти апокриф.

По делам шпионским в мае 1924-го он должен был на пароходе прибыть в Хайфу. Как и полагается по должности шпиону, «Джек» был человеком с десятью лицами, а в тот раз выступил в обличье цадика (провидца).

Наклеил усы, бороду, пейсы, руку вооружил четками, а для придания своей фигуре монументальности к животу приладил огромную пуховую подушку.

Пароход отходил от причала, как вдруг девочка-датчанка упала за борт. Блюмкин бросился спасать ее. Когда его и девочку подняли на палубу, перед пассажирами предстал другой цадик – без растительности на лице и без живота.

От подушки Блюмкин, по его собственному признанию, избавился в прыжке, ибо понял, что отяжелел от воды, она утащит его на дно. А пейсы, усы и борода отклеились сами.

В тот же день прикормленные «Джеком» источники в полиции шепнули ему, что британская контрразведка объявила в розыск какого-то цадика. И резидент почел за лучшее дать дёру.

Напоследок он высказал Серебрянскому прощальное напутствие:

– Если ты думаешь, Яша, что с этим роялем крышка, – Блюмкин пальцем ткнул себя в грудь, – то ты таки ошибаешься! Я выходил сухим и из более мокрых ситуаций, уж поверь мне, твоему наставнику и поводырю...

– А я и не сомневался...

– Это хорошо. Я считаю, что друзья должны говорить друг другу правду, а не лить в уши сироп ...

– Разумеется!

– Так вот, друг мой, люди непосвященные думают, что в жизни разведчика всегда есть место подвигу. Мой тебе, Яша, совет: держись подальше от этого места. Заметь, тебе это говорит человек, для которого разведка – тотем!

– Но почему?! – в искреннем недоумении воскликнул Серебрянский.

– Потому, друг мой, что для этого ремесла ты слишком интеллигентен и добр. Если ты и войдешь в историю, то только вперед ногами!

...Когда «Джек» крысиными тропами нелегала через три страны добрался до Москвы, там потребовали письменного объяснения причин его бегства с поля боя.

Но не прост Яков Блюмкин, ох, не прост! Кудесник словоблудия, он был способен ничтожную оперативную акцию преподнести битвой при Ватерлоо, а провал превратить в триумф.

В итоге Блюмкина перевели в Тифлис, но его карьера продолжала идти в гору: член коллегии Закавказского ОГПУ и заместитель командира корпуса внутренних войск. В сентябре 1928-го, по ходатайству всё того же Трилиссера, он отбыл в Стамбул главой нелегальной резидентуры ИНО.

В будущем друзья более не встретятся – судьба разведет их навсегда.

СТРАХ СТРАХОМ ВЫШИБАЕТСЯ

После побега «Джека» из Палестины «Макс» единолично управлял резидентурой, что вызывало постоянную озабоченность в Центре.

– Играть в две руки – хорошо, но в четыре – лучше. Да и вообще, как говорят мои друзья аргентинские коммунисты, «танго в одиночку не танцуют», – заявил начальник ИНО Трилиссер, и Полину Беленькую – жену Серебрянского – стали готовить для засылки в Палестину.

Завершив 6-недельный разведывательный курс и купив билет на пароход, она наотрез отказалась ехать. Ведомственные златоусты пытались образумить женщину. Тщетно. Ее аргумент был неизменен: «Боюсь!»

Тогда Трилиссер выложил свой: «Или вы едете, Полина Натановна, или партбилет – на стол!»

Сработало.

Полине, ответработнику Краснопресненского райкома ВКП(б), лишиться партбилета – остаться без работы.

...После Палестины настал звездный период Полины – 15 лет она в паре с мужем «исполняла танго» в Бельгии, Германии, Франции, в США. Призы, как правило, доставались ее партнеру – уж таковы правила шпионского жанра!

«ЛЕТУЧИЙ ЭСКАДРОН СМЕРТИ»

В 1925 году «Макса» отозвали из Палестины и вместе с женой нелегалами забросили в Бельгию. Домой они вернулись в 1927-м, чтобы Якова приняли в члены ВКП(б) и назначили главой нелегальной резидентуры в Париже.

Кстати, характер и результаты работы Серебрянского в Бельгии и Франции до сих пор входят в категорию самых охраняемых секретов, а свидетельством его оперативных заслуг явилась высшая ведомственная регалия – нагрудный знак «Почетный чекист» и именное боевое оружие, врученное ему дважды – в 1927 и 1928 годах.

...Вернувшись в Москву в марте 1929-го, Серебрянский стал начальником 1-го отделения ИНО (нелегальная разведка) и одновременно возглавил Особую группу (ОГ) ОГПУ, которую рядовые чекисты прозвали «группой Яши», а начальствующий состав – «летучим эскадром смерти». Этим специфическим подразделением распоряжался лично председатель ОГПУ Менжинский, по инициативе которого оно и было создано.

Магистральным направлением деятельности ОГ было глубокое внедрение агентуры на объектах военно-стратегического значения США, стран Западной Европы и Японии, а также подготовка и проведение диверсионных операций в тылу противника в военный период.

Для реализации этих целей «группа Яши» в 1930 году выезжала в США и завербовала ряд японских и китайских эмигрантов, которые могли пригодиться разведке, начнись война с Японией.

И ведьгодились! – из троих завербованных Серебрянским совместно с Эйтингоном особо ценных агентов один – японский художник Итоку Мияги впоследствии вошел в знаменитую группу «Рамзая» (Рихарда Зорге).

...Другим направлением работы Особой группы было выполнение «особо деликатных заданий» – так шифровалась ликвидация наиболее зловных врагов Советской власти и предателей. С легкой руки Феликса Эдмундовича бойцы «дяди Яши» стали называть их *душепродавцами*.

Одного из таких душепродавцев – Игнатия Рейсса (настоящее имя Натан Порецкий), выступившего во французской прессе с нападкамии на Сталина, «группа Яши» ликвидировала в предместье Лозанны в июле 1937-го. В августе, в Париже, уничтожила резидента-невозвращенца Георгия Агабекова, ставшего платным пособником французских спецслужб.

КАК «УБРАЛИ С ДИСТАНЦИИ» ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА

К концу 1920-х Сталин был уверен, что в случае возникновения войны в Европе организация эмигрантов-белогвардейцев – Русский общевоинский союз (РОВС), насчитывавший 20 тысяч штыков, непременно выступит против СССР.

По-другому быть не могло – союз возглавлял заклятый враг Советской власти белогвардейский генерал Кутепов, который постоянно наращивал диверсионно-террористическую деятельность на территории нашей страны.

Так, в мае 1927-го боевики РОВС по личному указанию Кутепова взорвали дом в Москве, где проживали сотрудники ОГПУ. Погибли 34 человека, в том числе 20 детей в возрасте до 14 лет; в июне от взрыва Дома политпросвещения в Ленинграде погибли 26 человек. В июне 1928-го боевик бросил бомбу в Бюро пропусков ОГПУ в Москве – 5 погибших.

Летом 1929-го руководство ОГПУ вошло в ЦК с предложением «убрать с дистанции» – похитить в Париже и доставить в Москву – генерала Кутепова для предания суду. Сталин инициативу одобрил.

1 марта 1930-го Серебрянский (опять пригодились знания французского языка) выехал в Париж для подготовки и проведения операции.

...Кутепова похитили 26 января 1930 года.

Бойцы «группы Яши» в форме французских полицейских на углу улиц Удино и Русселе остановили генерала, идущего в церковь. Под предлогом выяснения личности предложили проехать в полицейский участок. Он уселся в патрульную машину, но, услышав русскую речь, понял, что попал в ловушку, и попытался сбежать.

Похитители применили наркоз. Большое сердце Кутепова не выдержало избыточной дозы хлороформа, и он умер.

...30 марта 1930 года в Москве Серебрянскому за ликвидацию генерала Кутепова вручили орден Красного Знамени.

К слову, до середины 1960-х причастность органов госбезопасности СССР к похищению Кутепова категорически отрицалась. Лишь в 1965-м в «Красной звезде» – официальном органе Министерства обороны – появилась заметка об операции.

ИГРА НА ЧУЖОМ ПОЛЕ

Покончив с Кутеповым, Серебрянский приступил к созданию автономной агентурной сети в различных регионах мира, и к середине 1930-х он руководил 16 нелегальными группами, укомплектованными сорвиголовами, готовыми, невзирая на смертельный риск, выполнить любое его задание. Дислоцировались они в Германии, Франции, США, а также на оккупированной японцами территории Северо-Восточного Китая.

Достаточно двух примеров, чтобы иметь представление об универсальной способности этих групп к исполнению любого приказа «дяди Яши».

1. Согласно плану, разработанному Серебрянским, вожак одной из таких групп, назовем его «Генри», изъясил и передал инициатору архив Троцкого.

2. Другая группа под водительством «Эрнста» потопила 7 германских судов с оружием, предназначавшихся генералу Франко, который готовил переворот в Испании.

13 июня 1934 года, вслед за образованием НКВД, ОГ переименовали в Специальную группу особого назначения (СГОН), но чекисты называли ее по-прежнему «группой Яши».

С тех пор Серебрянский, которому присвоили звание «старший майор госбезопасности» (соответствовало общевоинскому званию «генерал-майор»), подчинялся исключительно наркому внутренних дел.

...В ходе гражданской войны в Испании Серебрянский поставлял оружие республиканцам. В сентябре 1936-го состоявший у него на личной связи агент «Бернадет», используя бланки нейтральных стран, приобрел у французской фирмы «Девуатин» 12 современных боевых самолетов, которые затем были переданы республиканскому правительству.

Разгорелся международный скандал. В помощи республиканцам средства массовой информации Западной Европы обвинили премьер-министра Франции Блюма и его военного министра Даладье.

31 декабря 1936-го «Известия» опубликовали постановление ЦИК Союза ССР о «вручении ордена Ленина товарищу Серебрянскому Я.И. за особые заслуги в борьбе с контрреволюцией».

Публикация появилась не случайно – ее инициировали «лубянские мудрецы» с целью ускорить уход Блюма и Даладье с политической арены Франции.

ПОСЛЕДНЕЕ «ТАНГО» В ПАРИЖЕ

В 1937 году сын Троцкого Лев Седов (объект дела оперативной разработки НКВД «Сынок») по воле отца затеял в Париже подготовку I съезда IV Интернационала.

Генеральный комиссар НКВД СССР Ежов, докладывая об этом Сталину, предложил похитить Седова, чтобы сорвать открытие съезда. Будто невзначай заметил, что «с этой грязной работой могут справиться лишь золотые руки “дяди Яши”...»

Вскоре находившийся в Париже Серебрянский получил задание похитить «Сынка» и доставить в Москву.

Были разработаны два варианта транспортировки объекта.

Первый – по морю. В середине 1937-го купили рыболовецкое судно. На окраине северного города-порта сняли домик – место временного укрытия, куда поселили сотрудников СГОН. Подобрали экипаж. Запаслись объемом питьевой воды, еды, угля.

Второй – по воздуху. Группа Серебрянского располагала собственным самолетом на одном из аэродромов под Парижем. Через прикормленную прессу распространили легенду о готовящемся спортивном перелете Париж – Токио.

ВЧЕРАШНИЕ ПАЛАЧИ – ЖЕРТВЫ СЕГОДНЯ?

Похищение «Сынка» не состоялось. 16 февраля 1938 года он умер под ножом хирурга на операционном столе русской клиники в Париже.

Иные ножи, по иному поводу точились за спиной Серебрянского и его супруги.

Под предлогом нового назначения их вызвали в Москву, и 10 ноября 1938 года Якова и Полину арестовали по выходе из самолета. Ордер на их арест подписал начальник Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД Берия и через три дня провел первый допрос «дяди Яши».

Четыре дня спустя Берия в компании своего заместителя Кобулова и будущего министра госбезопасности СССР Абакумова опробовали на Серебрянском так называемый «интенсивный метод допроса»: избиение под аккомпанемент вербальных унижений и оскорблений.

Допросы с пытками, прерываемые разными по длительности интервалам, шли (!) два года. Всё то время – невероятно! – Серебрянский не только не потерял присутствия духа – продолжал работать над «Наставлением для резидента по диверсиям», которое начал составлять еще в Париже.

Вот строки, написанные им 15.10.1939-го, – через 11 месяцев пребывания в условиях тюремного ада: «Только тот имеет право посылать своих товарищей на опасную для их

жизни работу, кто сам готов подвергнуть себя опасности. Ты должен быть счастлив, что партия тебе доверяет такой ответственный участок работы».

...4 октября 1940-го лейтенант госбезопасности Перепелица заверил своей подписью обвинительное заключение:

«Серебрянский Я.И. с 1924-го состоял агентом английской контрразведки, а с 1933-го по день ареста являлся активным участником антисоветского заговора в НКВД и проводил шпионскую работу в пользу Франции».

Аналогичное обвинительное заключение предъявили Полине Натановне.

7 июля 1941 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Серебрянского к расстрелу с конфискацией наград и «другого имущества».

Его жена Полина Беленькая получила 10 лет лагерей «за недоносительство о враждебной деятельности мужа».

На суде Серебрянский вину не признал, заявив, что на предварительном следствии оговорил себя в результате физического и морального воздействия. Суд проигнорировал заявление.

...Из-за вторжения гитлеровских войск на территорию Советского Союза верховная власть приостановила поиски внутренних врагов и сосредоточилась на отпоре врагу внешнему.

Генерал Судоплатов, воспользовавшись моментом, попросил Берия освободить ожидавшего расстрела Серебрянского и его группу.

«Вы уверены, что они нам нужны?» – спросил Берия, одарив собеседника доброй улыбкой инквизитора.

«Абсолютно уверен!»

«Тогда свяжитесь с Кобуловым – пусть освободит».

Решением Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года Серебрянский и его жена были амнистированы, восстановлены в партии, им вернули изъятые при аресте награды.

ЗАПОЗДАЛАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ

За успехи в организации диверсионно-разведывательной работы в тылу врага в период ВОВ Серебрянского наградили вторым орденом Ленина, вторым орденом Красного Знамени, медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

В 1946 году министром госбезопасности СССР стал генерал-полковник Абакумов, который в предвоенные годы участвовал в допросах Серебрянского и лично избивал его.

Опасаясь вновь оказаться в лапах сановного держиморды, Яков Исаакович подал рапорт об отставке по «состоянию здоровья» и стал наслаждаться мирной жизнью отставника.

Подобно старому коню пожарной службы он откликнулся на сигнальный колокол – на призыв генерала Судоплатова послужить еще органам госбезопасности и в мае 1953-го вернулся к работе в 9-м отделе МВД СССР в должности оперативного сотрудника 1-й категории.

...В июле 1953 года, после ареста Берии, хрущёвский театр абсурда открыл новый сезон трагикомичных постановок. 8 октября решением Генерального прокурора СССР «за тяжкие преступления против КПСС и государства» Якова Исааковича арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму.

Доказательств его причастности к «заговору Берии» следствие не нашло. Тогда было реанимировано фальшивое дело 1938 года, а решение Президиума ВС СССР от 9 августа 1941 года отменено.

Допросы Серебрянского, хотя и без рукоприкладства, возобновились. 30 марта 1956 года, после почти (!) трех лет моральных истязаний в Бутырской тюрьме, без вины виноватый Яков

Исаакович Серебрянский на очередном допросе у следователя Военной прокуратуры СССР генерал-майора Цареградского скончался от сердечного приступа.

...В июле 1971-го по указанию Ю.В. Андропова проведено дополнительное расследование дела Серебрянского и его супруги. В итоге Военной коллегией Верховного суда СССР приговор от 7 июля 1941 года отменен за отсутствием состава преступления, а еще через неделю прекращено дело 1953 года.

Четверть века спустя, 22 апреля 1996 года, Указом президента РФ супруги-разведчики Яков Серебрянский и Полина Беленькая реабилитированы (посмертно) и восстановлены в правах на изъятые при аресте награды.

Глава вторая

Любимица царя – агентесса ОГПУ

Послушница девичьего монастыря в пятнадцать лет сбежала в балаган, в шестнадцать – в кафешантан, пела купцам в трактирах, а Государю в Царском Селе.

До Первой мировой войны газеты трех империй – России, Германии, Австро-Венгрии – взахлёб писали о ней, называя «розой в молоке». В 1920–1930-е годы ей рукоплескали в Западной и Восточной Европе, в Соединенных Штатах.

Ей платили баснословные гонорары, на концертах к ее ногам летели цветы и драгоценности, ее лик писал Константин Коровин, а скульптор Сергей Коненков создал ее прижизненный бюст из белого мрамора.

В друзьях у нее были Николай II с царицей и великие князья, Константин Станиславский и Леонид Собинов, Фёдор Шаляпин и Сергей Есенин.

Она была способна безумно любить: за одним своим любимым умчалась на фронт, ради другого возлюбленного занялась шпионским промыслом и погибла.

Ее путь – сюжет для авантюрного романа или голливудского блокбастера, а жизнь ее – история Золушки, чьей доброй феей была русская народная песня.

БЕГСТВО ОТ ДОМОСТРОЯ

Надежда Плевицкая (в девичестве Винникова) родилась 17 января 1884 года в деревне Винниково Курской губернии в богобоязненной крестьянской семье.

В автобиографической книге «Дёжкин карагод» («Надеждин хоровод»), изданной в Берлине в 1925 году, Плевицкая вспоминала о своем детстве:

«Семеро было нас: отец, мать, брат да четыре сестры. Всех детей у родителей было двенадцать, я родилась двенадцатой и последней, а осталось нас пятеро, прочие волей Божьей померли.

Жили мы дружно, и слово родителей было для нас законом. Если же, не дай Бог, кто “закон” осмелится обойти, то было и наказание: из кучи дров выбиралась отцом-матерью палка потолще со словами: “Отваляю по чем ни попало!”

Петь я начала с малолетства, подражая старшей сестре Татьяне, и пением моим заслушивались селяне».

...Со смертью отца семья познала нищету. Чтобы заработать на кусок хлеба, Дёжка подавалась в поденщицы: обстирывала селян, но и это не спасло от голода, и мать отдала ее в девичий монастырь. Долго она там не задержалась – сбежала в Киев и оказалась в балагане. После испытания Дёжку приняли ученицей в хор под управлением Александры Липкиной с жалованьем восемнадцать рублей в месяц на всём готовом.

Из воспоминаний Надежды Плевицкой:

«Я теперь вижу, что лукавая жизнь угораздила меня прыгать необычно: из деревни в монастырь, из монастыря в балаган. Когда шла в монастырь, желала правды чистой, но почувяла там, что совершенной чистоты-правды нет! Душа взбунтовалась и кинулась прочь.

Балаган сверкнул внезапным блеском, и почувяла душа правду иную, высшую правду – красоту, пусть маленькую, неказистую, убогую, но для меня новую и невиданную.

Вот и шантан. Видела я там хорошее и дурное, но “прыгать-то” было некуда. Я ведь едва умела читать и писать, учиться не на что. А тут петь учили. Нас обучали для капеллы и держали в ежовых рукавицах: во время гастролей никуда не пускали самостоятельно по городу, куда мы приезжали».

ЛЮБОВЬ ПЕРВАЯ, ДЕВИЧЬЯ

Во время гастролей в Астрахани Липкину похитил богатый перс и на яхте увез в Баку. Муж Липкиной с горя запил, хор распался, но Надежде повезло попасть в бродячую труппу артистов Варшавского театра под управлением Штейна. Танцор труппы, красавец-поляк Эдмонд Плевичкий сделал ей предложение выйти за него замуж.

Надежда, воспитанная в суровых традициях домостроя, даже будучи по уши влюбленной в поляка, еще целый год сохраняла дистанцию, так и не позволив ему ни единого поцелуя, не говоря уж о так называемых «физиологических узах» – внебрачном сожителе, распространенном в среде бродячих артистов.

В 1903 году, получив материнское благословение, Дёжка Винникова после венчания в православной церкви продолжила жизненный путь уже Плевичкой Надеждой Васильевной.

У БОГА СЛУЧАЙНОСТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Надежда с мужем гастролирует по российским городам в труппе Штейна, но после того как он, похитив кассу, сбежал, она стала петь в «Хоре лапотников» Манкевича, позже – в знаменитом московском ресторане «Яр».

Осенью 1909 года, когда Плевичкая, отрабатывая ангажемент, выступала в нижегородском ресторане Наумова, туда зашел поужинать Леонид Собинов. Послушав ее пение и оценив реакцию зала, он пригласил Надежду выступить вместе с признанными авторитетами российской сцены Василием Качаловым и Матильдой Кшесинской в его благотворительном концерте, который он устраивал в местном оперном театре.

Так случайная встреча с великим тенором и участие в его концерте помогли Надежде войти в большую сценическую жизнь и осознать силу своего таланта.

Но судьба случайностей не терпит, и вскоре культурная Россия признала Плевичкую одной из самых ярких исполнительниц русских народных песен и романсов, и она решила: никаких ресторанов, никаких жующих купцов!

Заполучить ее на выступление стремятся все крупные города России. Она поет в Московской консерватории и на приемах в Царском Селе, где императрица Александра Фёдоровна за вдохновенное пение дарит ей золотую брошь с жуком, осыпанным бриллиантами.

Государь, чтобы услышать песни Дёжки Винниковой, снова и снова зовет ее в Царское Село. Растроганный до слез он как-то изрек: «Мне говорили, что вы никогда не учились петь. И не учитесь. Оставайтесь такой, какая вы есть. Я много слышал ученых соловьев, но они пели для уха, а вы поете для сердца. Спасибо вам, Надежда Васильевна!»

И вручил ей бриллиантовую брошь в виде двуглавого орла. С тех пор Надежда на сцену без броши не выходила – та стала ее талисманом.

1911 год. Надежда Плевичкая на пике славы. Она взошла на вершину, какой не достигала ни одна российская крестьянка – петь самому царю, а он называет ее любимой певицей! Да, тогда она была почти счастлива. «Почти» – потому что не хватало ей любви...

ДЁЖКИНА ХАНДРА

Красавицей Надежду не назвать – лицо круглое, скуластое, с вздернутым носом, ярким сочным ртом и небольшими, раскосыми, очень хитрыми глазами-угольками – обычный крестьянский тип. Великолепны были смоляная коса и свежий атлас ее тела – «роза в молоке», как обозначили ее газеты.

Был в ней какой-то внутренний заволаживавший огонь, из-за которого все женщины рядом с нею меркли. А мужчин подле нее всегда было много. Они ее любили, забрасывали цветами в концертных залах или оборачивались вслед, когда она, стуча каблучками и игриво змеясь своим призывным телом, шла по улице. Однако, как русская крестьянка и настоящая мужняя жена, она и мысли об измене Плевицкому не допускала. Да и некогда ей было за работой.

Плевицкий же теперь, не состоя ни в какой труппе и проживая в возведенном на женины деньги двухэтажном особняке в деревне Винниково или в Петербурге в ее по-царски обставленной квартире, упивался положенным, по его мнению, отдыхом, заводил бесчисленные любовные романы.

Надежда знала об изменах мужа, но не ревновала, а завидовала его способности влюбляться и радоваться жизни. Ведь у нее, кроме тяжелой работы, ничего не было. А хотелось чего-то более важного, чем слава и достаток. Чего-то, что наполнило бы душу теплом и светом – любви!

На какое-то время от мрачных мыслей отвлекли съемки в фильмах «Власть тьмы» и «Крик жизни», где Надежда выступила в главной роли. Но грош цена тем фильмам – в них она была «немой», а любили-то ее за голос!

И вновь пришла хандра, переросшая в депрессию. Надежда стала худеть, да так быстро, что белошвейки не успевали обновлять ей концертный гардероб. Все доктора вразной твердели о поразившем ее тяжелом недуге: то белокровие, то чахотка, то рак желудка.

Но в 1912 году ее мечта сбылась: к ней пришла любовь, и хворь как рукой сняло.

ЛЮБОВЬ ВТОРАЯ, УБИЕННАЯ

Василию Шангину, поручику Кирасирского Его Величества лейб-гвардии полка, было около тридцати, учился он в Николаевской академии Генерального штаба, носил Георгиевский крест за японскую войну, куда ушел добровольцем, бросив университет.

Надежду он просто ослепил, а она совершенно пленила его. Теперь у нее было всё: покровительство Государя, успех, богатство, а мелодию любви они с Шангиным пели на два голоса.

...Первая мировая война застигла влюбленных в Швейцарии, куда они заехали, совершая «предсвадебное» путешествие. Шангин обратился в Ставку, чтобы Надежду зачислили сестрой милосердия в лазарет его дивизии, но рапорт отклонили – женщинам не место на передовой.

Тогда она появилась на линии огня в мужской форме санитаря. И пусть нет сцены – плевать, лишь бы быть рядом с любимым! Ее подвиг во имя любви к сражающемуся на передовой офицеру стал притчей во языцех, да что притчей – легендой России!

Для раненых Плевицкая выступает в лазаретах. Когда же она поет вблизи окопов, немцы, чтобы прервать ее пение, палят из пушек. Изредка влюбленным удается побыть часок наедине, и так – полгода, пока взвод поручика Шангина не накрыли вражеские снаряды.

Узнав о гибели жениха, Дёжка буквально почернела от горя и ощущала себя ходячим мертвецом. Ею овладела кромешная безысходность, и год понадобился столичным светилам медицины, чтобы вернуть ее к жизни.

ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ

В 1917-м и последующие два года, ох, лукава ты жизнь, бес полуденный! Что то было? Снова любовь? Нет, – мимолетные вспышки страсти, которым Дёжка уступила в отчаянном порыве: раз уж жизнь не удалась, так хоть погуляю вволю!

В Одессе у нее случился бурный роман с «товарищем Шульгой» – знаменитым «революционным матросом» Черноморского флота. Шульгу Надежда сменила на перешедшего к красным штабс-капитана Левицкого, спешно оформив с ним брак.

Когда новобрачные угодили в плен к белым, допросить «краснопузиков» взялся лично начальник контрразведки Корниловской дивизии полковник Пашкевич. Но был остановлен ее окриком: «Да вы хоть знаете, кого пленили?! Я – Плевацкая Надежда Васильевна!» И Пашкевич, сам плененный чарами Надежды, предложил ей стать его женой.

Их скоротечная связь с любовными утехами между боями закончилась с гибелью Пашкевича, и Надежду от охочих до женского пола корниловцев стал оберегать влюбившийся в нее с первого взгляда комдив Скоблин. Плевацкой он напоминал погибшего Шангина, и уже не бес полуденный лукавый, не плотская страсть, а тихий ангел подводил и благословлял союз этих двоих.

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕДНЯЯ, РОКОВАЯ

Николай Владимирович Скоблин родился 9 июня 1893 года. В 1914 году окончил военное училище и в чине прапорщика прошел Первую мировую войну. За боевые заслуги и храбрость был награжден орденом Святого Георгия.

В 1917 году в звании штабс-капитана Скоблин командовал 2-м Корниловским полком – одним из четырех полков Добровольческой армии, укомплектованных только офицерами. Не имея высшего военного образования, в возрасте (!) 26 лет назначен командиром Корниловской дивизии с присвоением ему звания генерал-майора.

В 1920 году после поражения Белой гвардии в Крыму десятки тысяч русских солдат и офицеров, а с ними и генерал Скоблин с Плевацкой оказались в лагере для перемещенных лиц под Стамбулом, на полуострове Галлиполи.

В июне 1921 года в галлиполийской православной церкви венчались рабы Божьи Николай и Надежда. Посаженым отцом на свадьбе был генерал Кутепов, ставший реальным предводителем (вместо Врангеля) всего русского воинства в эмиграции.

Он произнес вещие слова: «Мы приняли вас, Надежда Васильевна, в нашу полковую среду». С тех пор корниловцы звали ее «мать-командирша», а Скоблину, намекая на его «подкаблучное» положение, дали кличку «генерал Плевацкий».

...Супруги обосновались в Париже, и Плевацкая стала петь в ресторане «Большой Московский Эрмитаж». Часто выезжала на гастроли в Прагу, Варшаву, Ригу, Софию, Брюссель, Бухарест – везде, где осели послевоенные беженцы из России. А в 1926 году с концертной программой совершила турне по Америке.

Однако денег супругам из-за непомерных запросов Плевацкой, привыкшей ни в чем себе не отказывать, хронически не хватало. Чтобы поправить финансовое положение, Скоблин взял в аренду участок земли с виноградником, но случился неурожай, и они разорились.

Пришлось перебраться из Парижа в городок Озуар-ле-Феррьер, где они приобрели в расрочку крохотный домик, ежегодно выплачивая за него 9000 франков – три четверти семейного дохода.

ВЕРБОВОЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ

В конце 1920-х Сталин был уверен, что в случае возникновения войны в Европе самая крупная организация эмигрантов-белогвардейцев – Русский общевоинский союз (РОВС), насчитывавший 20 тысяч боевиков, непременно выступит против СССР. В этой связи советская внешняя разведка постоянно наращивала усилия по созданию агентурных позиций в РОВС.

Главным объектом агентурного проникновения было директивное звено союза, куда входил и генерал Скоблин. Возглавляя отдел по связи с периферийными органами, он был осведомлен обо всех планах РОВС, в том числе и о совместных операциях с разведками Болгарии, Польши, Румынии, Финляндии, Франции. Словом, не генерал – живой сейф с секретами.

...2 сентября 1930 года в Париж для встречи со Скоблиным с целью определить возможность привлечения его к сотрудничеству с ОГПУ в качестве агента прибыл Пётр Ковальский, бывший однополчанин генерала, а ныне сотрудник-вербовщик ИНО «Сильверстов». Скоблин был безумно рад встрече с сослуживцем, затащил его к себе домой и познакомил с Плевицкой.

После нескольких визитов в Озуар-ле-Феррьер «Сильверстов» понял, что Скоблин полностью зависим от жены, каждый свой шаг согласует с нею, поэтому решил нанести «удар дуплетом» – завербовать обоих супругов.

В начале вербовочной беседы московский охотник за головами, чтобы сразу завладеть ситуацией, пошел с «козырного туза»: зачитал «Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР о предоставлении персональной амнистии и восстановлении в гражданских правах бывших подданных Российской империи Скоблина Николая Владимировича и Плевицкую (урожденную Винникову) Надежду Васильевну».

Наблюдая за реакцией супругов, «Сильверстов» про себя отметил, что его «туз из рукава» произвел нужный эффект. Развивая успех, заверил Плевицкую, что на родине ее помнят как выдающуюся певицу и в случае возвращения встретят с почестями.

Обращаясь к Скоблину, заявил, что для Советской России он не враг и может вернуться в родные края в любое время. А если генерал согласится послужить родине, находясь на чужбине, то по возвращении достойная должность в Генеральном штабе Красной армии ему гарантирована.

Завершая «мозговой штурм», искуситель с Лубянки огласил последний по счету, но не по важности аргумент: в случае согласия Николая Владимировича, каждый из супругов будет получать по 200 долларов ежемесячно.

«Мы согласны», – скороговоркой произнесла Плевицкая, под столом толкнув коленкой сидящего рядом мужа. И тогда «Сильверстов» предложил супругам поставить подписи под следующим документом:

«ПОДПИСКА

Настоящим обязуюсь перед Рабоче-Крестьянской Красной армией Союза Советских Социалистических Республик выполнять все распоряжения связанных со мной представителей разведки Красной армии безотносительно территории. За невыполнение мною настоящего обязательства отвечаю по военным законам СССР.

Генерал-майор Николай Владимирович Скоблин

Надежда Васильевна Плевицкая-Скоблина

Париж, 10 сентября 1930 года».

Свою миссию «Сильверстов» закончил, отработав Скоблину первое задание: в кабинете генерала Миллера, руководителя РОВС, установить подслушивающее устройство. Информацию с него будет «снимать» сотрудник ОГПУ Третьяков, который поселится на втором этаже, прямо над штаб-квартирой союза.

СЕМЕЙНАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИДЕНТУРА

Так была создана едва ли не первая в истории советской внешней разведки семейная резидентура. Она 7 лет снабжала Центр ценными сведениями.

Только за первые четыре года работы «Фермера» и «Фермерши» (кодовые имена Скоблина и Плевицкой) Лубянка на основании полученной от них информации провела следующие операции:

- обезвредила 17 боевиков, засланных РОВС в СССР для совершения террористических актов;
- разгромила 11 конспиративных квартир в Москве, Ленинграде и в Закавказье;
- предотвратила покушение на наркома иностранных дел СССР Литвинова;
- разоблачила подставленного ИНО французской разведкой агента-provокатора, который 11 месяцев продвигал нам «дезу».

Главную роль в резидентуре выполнял Скоблин, добытчик информации. Плевицкая копировала секретные документы, которые генерал на час заносил домой; писала агентурные сообщения; составляла шифровки для Центра; выполняла роль связника и обрабатывала тайники во время гастрольных поездок.

МАВР, КОТОРЫЙ ПОДСТАВИЛ ГЕНЕРАЛА

В феврале 1930 года, после исчезновения генерала Кутепова, главой РОВС был назначен генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер, а Скоблин стал его ближайшим помощником.

При Миллере магистральным направлением деятельности белой эмиграции продолжала оставаться подготовка диверсий и массового террора на территории СССР. На унтер-офицерских курсах, созданных генералом в Белграде, в духе ненависти ко всему советскому воспитывались дети эмигрантов. В Польше по его указанию готовились группы юношей-боевиков для ведения партизанской войны в тылу Красной армии на случай войны с СССР.

К 1937 году генерал Миллер всецело ориентировался на Гитлера: «РОВС должен обратить всё свое внимание на Германию, – заявлял он, – это единственная страна, объявившая борьбу с коммунизмом не на жизнь, а на смерть».

Центр принял решение похитить Миллера и в Москве организовать суд над ним. Но конечной целью был всё-таки не суд. На Лубянке знали, что в случае исчезновения Миллера только Скоблин имеет реальные шансы стать во главе РОВС. Это позволило бы взять под свой контроль деятельность союза и воспрепятствовать «крестовому походу против Советов», к которому призывал Миллер.

Увы, стратегические операции внешней разведки разрабатывал уже не Артур Христианович Артузов, а ставленник Ежова Абрам Слуцкий, который не имел достаточного оперативного опыта. Именно он в акции похищения Миллера назначил Скоблину ключевую роль, что в итоге генерала скомпрометировало, а Плевицкую погубило.

КАК ВАЖНО ИМЕТЬ «ЧЕРНЫЙ ХОД»

22 сентября 1937 года генерал Миллер не появился в штаб-квартире РОВС ни после обеда, ни к вечеру. Его заместитель адмирал Кедров вскрыл оставленный Миллером пакет и прочел записку:

«У меня сегодня в 12.30 свидание с ген. Скоблиным на углу ул. Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штрманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а поэтому на всякий случай оставляю эту записку.

22 сентября 1937 года

Ген. – лейт. Миллер».

Послали вестового за Скоблиным. Поначалу он отрицал факт своей встречи с Миллером. Тогда Кедров предъявил ему записку и предложил пройти в полицию для дачи показаний.

Скоблин, прошедший столько сражений, что хватило бы на троих офицеров, самообладания не потерял и спокойно произнес:

«Господин адмирал, у меня в кабинете доказательства моей непричастности к пропаже Евгения Карловича, я их сейчас принесу!»

Кедров согласно кивнул. Размеренным шагом Скоблин, позванивая связкой ключей, двинулся по коридору, но открыл дверь не своего кабинета, а ту, что вела к черному ходу.

На условный стук Третьяков среагировал мгновенно, а через 5 минут черкнул на фонарном столбе знак экстренного вызова сотрудника резидентуры.

БЕЗ ПРАВА НА ПОМИЛОВАНИЕ

Адмирал Кедров обратился в полицию – за сутки исчезли два генерала! А у французов одно на уме: «шерше ля фам», да и в памяти еще свежо дело Маты Хари.

Допросили жену Миллера – пустышка. Взялись за Плевицкую – попали в «яблочко», – при обыске в ее домашней Библии обнаружили шифртаблицу. Но певица от нее открестилась: «Не мое!»

Тогда французские контрразведчики установили микрофон в исповедальне и записали ее беседу со священником – и снова ничего! Тем не менее суд назначил ей 20 лет каторжных работ за соучастие в похищении генерала Миллера.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

«Летучая группа» отдела специальных заданий НКВД (поиск и охота на перебежчиков) «угостила» Миллера порцией хлороформа, закатала в дощатый ящик и на борту теплохода «Мария Ульянова» переправила в СССР.

Два года его содержали в «нутрянке» – внутренней тюрьме Лубянки, где с ним «работали» следователи НКВД. После его отказа выступить на суде с речью, изобличающей РОВС в преступлениях против Советского Союза, 11 мая 1939 года по приказу председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха он был расстрелян.

...«Фермер» на купленном резидентурой специально под него самолете был вывезен в Барселону, где погиб в конце 1937 года во время бомбардировки города гитлеровским авиалегионом «Кондор».

...В конце 1940 года, когда «Фермерша» содержалась в Центральной тюрьме города Ренн, Францию оккупировали немецкие войска. «Запленных дел мастера» из гестапо, узнав, что она подозревалась в связях с советскими спецслужбами, стали ее допрашивать. Не без их помощи она скончалась от сердечного приступа 5 октября 1940 года.

...Накануне Второй мировой войны усилиями советской внешней разведки РОВС был окончательно дезорганизован, что лишило Гитлера возможности использовать в войне против СССР более 20 тысяч боевиков.

Глава третья

Из разведки – в литературу

В январе 1992-го я и трое студентов из северокавказских республик были делегированы ректоратом Литературного института для участия в похоронах знаменитого детского писателя Воскресенской Зои Ивановны.

Вечерело, когда я с большим трудом отыскал место на Новодевичьем кладбище, где должна была состояться панихида. Прижимая к груди вишневые подушечки с орденами и медалями, там, в гробовой тишине, стояли седовласые мужчины в генеральских шинелях. Рядом – шеренга солдат почетного караула с карабинами наизготовку.

«Ты куда нас привел, Сусанин? – зашипели кавказцы. – Здесь хоронят какого-то полководца!»

Я уже готов был ответить, что у нас в Москве так хоронят полководцев от литературы, как вдруг мертвую тишину разорвал мегафон:

«Слово предоставляется боевому товарищу Зои Ивановны Воскресенской – генерал-лейтенанту КГБ Судоплатову Павлу Анатольевичу!»

Генерал огорошил толпу в шубах и дубленках:

«Лишь вторую половину жизни Зоя Ивановна была мастером пера, а вообще-то она – великий мастер разведки, полковник, воспитанница ОГПУ. Положа руку на сердце, могу сказать, что она рождена для разведки, как птица для полета... Настал момент истины, пора раскритиковать и саму Зою Ивановну и снять гриф секретности с ее подвигов!..»

Львицы столичного бомонда в роскошных норковых мантиях зашлись в истерике:

«Это что ж такое творится?! Нашу душечку-писательницу Зоиньку, кумира детей и родителей пяти континентов, какой-то густопсовый кагэбист пытается опорочить связью с кровавым ОГПУ?! Не бывает тому!»

Ну, и так далее и тому подобное. Вмешался мегафон, и хвалебные речи московских литераторов, в коих не было и намека на героико-боевое прошлое усопшей, заполнили кладбищенский эфир. Впрочем, завершилась панихида согласно воинской ритуальной традиции – троекратным залпом.

С речи генерала Судоплатова началось и в Зале истории внешней разведки РФ продолжилось мое знакомство с великим мастером разведки полковником Зоей Ивановной Воскресенской-Рыбкиной. Жаль, заочное...

ВОСТРЕБОВАНА МНОГОКРАТНО

Зоя Ивановна Воскресенская родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье помощника начальника железнодорожной станции. Детство провела в городе Алексин. В 1920 году ее отец Иван Павлович умер от туберкулеза, и его вдова Александра Дмитриевна перевезла Зою и двух ее младших братьев в Смоленск. Вскоре она слегла от тяжелой болезни, и Зоя была вынуждена в одиночку содержать семью.

В четырнадцать лет Зоя – библиотекарь 42-го батальона войск ВЧК, в семнадцать – политрук в колонии малолетних преступников, в девятнадцать – делопроизводитель в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии. Затем она трудилась на заводе имени М.И. Калинина и занималась комсомольской работой. В 20 лет Зоя вышла замуж за комсомольского активиста В. Казутина и родила сына.

В начале 1928 года Воскресенская, став кандидатом в члены ВКП (б), принята на работу в Заднепровский райком партии Смоленска заведующей учетно-распределительным подотде-

лом орготдела. А в конце того же года по партийной путевке уехала в столицу на работу в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской.

Перед отъездом Зоя развелась с Казутиным и сына поднимала вместе с матерью, которая тоже переехала в столицу.

В апреле 1929 года Воскресенскую приняли в члены партии, и в августе она стала сотрудницей Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ – внешней разведки. В ходе обучения на разведывательных курсах у нее обнаружили уникальные лингвистические способности: через месяц занятий она по-немецки говорила не хуже коренной жительницы Берлина!

Дебют ее разведывательной деятельности состоялся в Харбине в начале 1930 года. Никому из ее сослуживцев в советском синдикате «Союзнефть» и в голову не могло прийти, что красавица делопроизводитель Зоинька с блеском выполняет ответственные задания Центра во время жестокой борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Но большую часть закордонной разведывательной жизни Зоя Ивановна проведет в Хельсинки и Стокгольме: в 1935–1939 годах, работая в Финляндии, в 1941–1944 годах – в Швеции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.